

**Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...
Я потом, что непонятно, объясню.**

Б. Окуджава

Никита Пухов
с дедом Женей

ЕВГЕНИЙ БАЧУРИН

**Унылые серые бетонные заборы
в два человеческих роста. Знак
эпохи, примета современного
города. Из обломков
такого забора можно
выложить бетонную
мозаику — получится
тропинка, на которой
никогда не вырастет
живая трава. Дома —
цвета бетона,
и небо... Девушка
в розовом платье
с венком на голове:
неужели ты —
настоящая, из плоти
и крови, и не
померещился ли мне
серый отсвет бетона на твоих
неярких щеках?... Картина
называется «Лето». Грустно...**

Разрушенная беседка

и подравления,
давала интервью и
автографы. И при
всем при этом
личность была не-
довольна. И я до-
гадалась, почему.

Человеку глубо-
кому и талантливому
срамно бить
себя в грудь и
кричать на всех
перекрестках: «Я!
Я! Недооценили,
недопоняли...». Человеку всегда
кажется, что под-
линник от копии
отличить можно.

Ан нет! Оглянешься вокруг — все копии: уважаемых
лиц, законов, отношений...

А если нация будет воспитываться на копиях, то
рискует превратиться в копию нации.

За Державу обидно.

Евгений Бачурин в представлении не нуж-
дается. Но младшее поколение его не
знает. А жаль... Ибо Бачурин — человек-
легенда. В конце 70-х его знали все. Пес-
ни Бачурина пелись машинально: стихи и
музыка возникали в голове словно сами собой, и
было ощущение, что ты сам это сочинил. С песнями
Бачурина нельзя было радостно работать на строй-
ках социализма и прийти к победе коммунистиче-
ского далека. Бачурин — это когда «мне грустно и
легко, печаль моя светла».

Евгений Бачурин был на гребне популярности и
ничего не сделал для того, чтобы популярность эту
удержать. Почему? Потому что он не идет на ком-
промисс. Его, конечно, систематизировали и попы-
тались приклеить ярлычок: КСП. Но он никакой не
КСПэшник — не может выступать в больших залах,
петь на Грушинском фестивале. У него всегда был
свой круг. Так и говорит: «Я закончил Полиграфиче-
ский институт, и меня всегда окружали ремеслен-
ники такого рода».

С завидным постоянством с 80-го по 91-й год
«Мелодия» выпускала его пластинки, но не по не-
скольку в год, а по одной в 2—3 года. Пластинок у
Бачурина пять. Почему не больше? Потому что он
не делал себе громкого имени. «Для этого нужен
особый характер и поведение в миру. Я так не
умею», — говорит Бачурин. В 94-м году он удостоил-
ся чести быть записанным на компакт-диск. Скоро
должна выйти книга «Когда бы было так, как нико-
гда», в которую вошли 95 песен с нотами и экви-

ритмичным переводом на английский.

Все это Евгений Владимирович сообщает кор-
респонденту «ВМ» абсолютно панихидным голосом
и добавляет: «Я сижу дома в мастерской — и не
всегда радуюсь. У меня ощущение, что я на обочи-
не: мимо проносятся кабриолеты, машины... Мимо.
Это не поза и не позиция. Это горечь. Могут ска-
зать — гордыня сжирает. Но я всегда делил всех на
ежеминутников, еженедельников, эпохальников и
вечников».

Такой вот гамбургский счет. Прежде всего — к
себе.

Картины Бачурина-художника есть в Музее изо-
бразительных искусств им. А. Пушкина, в музеях
Саратова, Владивостока, Петропавловска-Камчат-
ского, а также в Финляндии, Швеции, Японии, США,
Польши.

Доктор искусствоведения Александр Морозов:
«Бачурин — поразительно яркая личность, которая
состоялась во всех отношениях. Я давно не видел
таких цельных, лиричных по пространству работ. Но
маэстро у нас вечно недоволен: «Я не в голосе, это
не звучит, это не получится...». Но у него все полу-
чается!»

«Поразительно яркая личность» принимала цветы

Вех, Москва - 1996 - 12 марта С. 5.